

ИСТОРИЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ПАРТИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ХОДЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИИ (1907 И 1912 ГГ.)

С. В. ДАРЧИЕВА

Изучение политической истории России в начале XX в. остается одной из ключевых тем в российской и зарубежной историографии. Именно в этот период начинается активное формирование и становление общероссийских, региональных, национальных партий и движений. Научное изучение российской многопартийности начала XX в. становится особенно необходимым сейчас, когда мы имеем дело с вхождением во второй этап развития многопартийности после перерыва в советское время. Изучение основных политических партий Северного Кавказа в период выборов в III и IV Государственную думу способствует переосмыслению всего комплекса национальных, конфессиональных и региональных процессов и проблем в этот период.

События, произошедшие в России в связи с роспуском второй Думы и изменением избирательного закона, в либеральной историографии получили наименование «третьеиюнского переворота». Император имел полное право сужать и расширять им же дарованные стране права и учреждения. Однако новый закон о выборах, обнародованный третьего июня 1907 г., явно нарушал положение консти-

туции, запрещавшее использование статьи 87 для «введения изменений в положения о выборах в Совет или Думу» [1, 249]. Чтобы обойти это ограничение, изменения в избирательный закон были проведены путем издания Высочайшего манифеста, как того требовали дела насущной государственной важности.

Весьма лояльно относившийся к самодержавию лидер меньшинства земцев Д. И. Шипов усматривал в актах 3 июня признаки государственного переворота. По его убеждению, грубое попирание Основных законов непоправимо подорвало авторитет и престиж монархической власти в глазах народа. Более того, оно вело страну к неминуемой политической катастрофе [2, 510-511].

Выделим наиболее принципиальные изменения в избирательной системе. Новое положение делило избирателей на четыре курии. По этой избирательной системе большую часть выборщиков (51,3%) избирала первая курия – землевладельцы, к ней примыкали выборщики первого разряда городской курии. Крестьяне выбирали только 22,4% выборщиков. Рабочая курия – всего 2,4% выборщиков. Всего активным избирательным правом пользовались

лишь 15% населения Российской империи [3, 189].

Избирательный закон 3 июня увеличил число выборщиков в земледельческой курии на 33%, уменьшив число выборщиков в крестьянской курии на 45%. С 26 до 5 сократилась численность городов с прямым представительством в Государственной думе (С.-Петербург, Москва, Киев, Одесса, Рига). Вводились также две городские курии по имущественному признаку. Следовательно, закон обеспечивал помещикам большинство на губернских избирательных собраниях. Именно дворяне-землевладельцы должны были определять политическое лицо третьей Думы.

Главная опора либеральной оппозиции – городские выборщики – искусственно выводилась из борьбы. Лишь в городах с прямым представительством они могли сказать свое слово [4, 162]. Правительство позаботилось и о том, чтобы создать оппозиции препятствия морально-психологического свойства. Общество придавили не прекращавшиеся репрессии против участников революции. В 1906-1907 гг. по приговорам военно-полевых судов казнили 1103 чел., а во время карательных экспедиций расстреляли 1172 чел. [5, 27]. Кроме того, правительство выделяло огромные суммы на увеличение и содержание ссыкной полиции, причем это увеличение коснулось 59 городов национальных районов и 32 русских городов. Правительство также санкционировало отпуск огромных средств на тюрьмы и тюремщиков, усиленно выдавало средства на укрепление административного и судебного аппарата, полностью поддерживая их действия и распоряжения [6, 386].

Ущемленными теперь оказались и права рабочих: число выборщиков от них сократилось с 268 до 113. В городах, сохранивших право самостоятельного представительства, не было рабочих курий отдельных от губернских. Здесь рабочие участвовали в выборах, если имели квартирный ценз. В целом, один выборщик приходился: в земледельческой курии – на 230 душ населения, в первом разряде городской курии

– на 1000, во втором разряде городской курии – на 15 тыс., в крестьянской курии – на 60 тыс., в рабочей курии – на 125 тысяч душ населения [7, 40].

Самое главное изменение, внесенное в избирательную систему законом 3 июня 1907 г., заключалось в перераспределении числа выборщиков между куриями. Этот закон имел целью «предоставление в губернском избирательном собрании большинства голосов, а, следовательно, и контроля над выборами представителям крупного владения, то есть в размере не ниже полного земского ценза» [8, 28].

Закон о выборах 3 июня 1907 г. сократил число членов Думы на 82 депутата (с 524 до 442) и привел к резкому ограничению представительства национальных регионов. В Манифесте о роспуске Государственной думы и об изменении порядка выборов от 3 июня указывалось: «Созданная для укрепления государства Российского, Государственная дума должна быть и русской по духу. Иные народности, входящие в состав державы нашей, должны иметь в Государственной думе представителей нужд своих, но не должны будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских. В тех же окраинах государства, где население не достигло достаточного развития гражданственности, выборы в Государственную думу должны быть временно приостановлены» [9, 273].

В итоге по избирательному закону 3 июня 1907 г. представительство Польских губерний в III и IV Думах сократилось на 23 мандата (с 37 до 14), Кавказ потерял 19 из 29 депутатских мест, представительство Сибири и Дальнего Востока сократилось на 7 мест (с 21 до 14), а из 23 депутатов от Средней Азии и Казахстана самодержавные законодатели оставили только одно место для уральских казаков [8, 14].

При введении новых ограничений было существенно сокращено представительство национальных окраин, в особенности Кавказа и Польши. В результате оказалось, что на Кавказе один депутат приходился на 700 тысяч населения, в Польше – на 750 тысяч, тогда как в европейской

части России один депутат – на 250 тысяч человек [3, 341].

Национальные группы в Государственной думе занимали своеобразное положение между оппозицией и правительственным большинством, оставаясь, как правило, демократически настроенными. Они поплатились за эти настроения потерей большей части своих мандатов. П.Н. Милюков в своих мемуарах объясняет изменение состава III Думы именно исходя из Положения 3 июня. «Положение 3 июня, – пишет он, – уменьшило число депутатов от азиатских народностей и кавказских... На это ограниченное количество мест пришли депутаты, более консервативно настроенные, и обособились в отдельные группы от русских. Голосуя часто с оппозицией, они не хотели, однако, разрывать с правительством» [9, 9].

Общее ужесточение политики центральной и местной власти естественным образом отразилось на выборной системе. Народы Северного Кавказа фактически не были представлены в Думе, а там, где такая возможность была, значительно сокращали их представителей. По дискриминационной системе вовсе были лишены избирательных прав кочевые народы – калмыки, ногайцы, – презрительно названные в государственных документах «бродячими инородцами» [10, 472].

Одновременно особое привилегированное представительство было установлено для Кубанского и Терского казачьих войск. Чтобы справиться с революционной стихией, администрация использовала самые разнообразные методы, но главным являлось подавление вооруженной силой выступлений недовольного существовавшими порядками населения. Прежде всего, силовое воздействие использовалось против горцев, с которыми власти привыкли так обращаться. Все силы были привлечены к карательным операциям, но наиболее активно использовалось властями казачество. «Местная боевая задача казачества, – писала проправительственная газета «Кавказ», – не может считаться отжившему, так как население... сравнительно спокойно

держится лишь на присутствии силы» [10, 406].

7 июня 1907 г. был опубликован приказ наместника на Кавказе о введении в крае чрезвычайного положения. Все губернии и области Северного Кавказа были объявлены на военном положении или чрезвычайной охране. При этом в наиболее крупные города и на железнодорожные станции вводились дополнительные контингенты войск. В письме И.И. Воронцова-Дашкова Николаю II подчеркивалось: «Не могу скрыть, что за исключением казачьего населения, а в смысле верноподданности – и мусульманского, все остальные народности Кавказа, по меньшей мере, неспокойны, а некоторая часть из них – в полной революции...» [11, 486].

Почти во всех административных центрах «для безотлагательного водворения порядка» учреждались военные суды и должности временных генерал-губернаторов. Так, в Терскую область для наведения «должного порядка» и «прекращения» революционного движения был направлен начальник Эриванского губернского жандармского управления полковник Бабушкин. В короткие сроки полковник Бабушкин «улучшил обстановку в области», в частности, обнаружил существование во Владикавказе тайной типографии, которая распространяла «воззвания» и пропагандировала среди осетин и казаков от имени «Военной организации Терско-Дагестанского комитета» [12, 8-10].

Наиболее ощутимо репрессии коснулись активных участников революционного движения. Тысячами их бросали в тюрьмы и ссылали на каторгу. Беспрерывно работали военно-полевые суды; приговор, вынесенный ими, вступал в силу не позже, чем через сутки. Широко практиковалась административная высылка.

Деятельность депутатов Думы от Северного Кавказа даже по истечении депутатского срока находилась под пристальным вниманием Департамента Полиции. Фонды этого отделения содержат подробные сведения об их политической «благонадежности» и влиянии на массы. Так,

бывший депутат первой Государственной думы А.П. Маслов, вернувшись в г. Грозный, продолжал заниматься политикой, придерживаясь позиции левых кадетов. Его недовольство роспуском Думы было столь активным, что власти даже арестовали его и заключили в тюрьму, вменив в вину тот факт, что «Маслов, обязанный подпиской невыезда из Грозного, появился 6 февраля во Владикавказе... и агитировал выборщиков в пользу революционеров». Эти обстоятельства повлекли немедленную высылку А.П. Маслова из Терской губернии. Его сторонники направили жалобы о возвращении А.П. Маслова в г. Грозный, за что к ним были приняты меры административного взыскания «за нарушение постановления о неразрешении сходок и всякого рода сборищ» [13, 100-105]. В Кубанской и Терской областях число административно репрессированных достигло 1100 чел. [11, 472].

Вся Терская область напоминала арену военных действий. Особые карательные отряды громили не только восставшие, но и «неблагонадежные» села. Побежденные крестьяне чаще всего подвергались постоянным войскам и обременительным контрибуциям на сумму в 321,6 тыс. руб. [14, 124].

Жестоко преследовались со стороны местной власти социал-демократические организации, руководившие революционной борьбой рабочих и крестьян. Количественный состав их резко сократился. Так, число членов Екатеринодарской, Черноморской, Армавирской и Ставропольской организаций РСДРП уменьшилось с 1262 чел. в конце 1906 г. приблизительно до 430-530 чел. к началу 1908 г. [15, 16].

Во все города Северного Кавказа постоянно отправлялись запросы о наличии там подпольных революционных групп и организаций. Но в период спада революции таких сведений было очень мало. Так, на посланный в апреле 1910 г. запрос департамента полиции о том, в каких именно городах Северного Кавказа действуют военные социал-демократические группы, Кубанское и Терское управление ответили отрицательно.

Власть активно вмешивалась в процесс «делания» выборов, конфронтация еще больше усилилась на выборах в четвертую Думу, где, по признанию высших чиновников, «полицейские агенты правительства не только лишены избирательных прав в местах их службы, но им запрещено оказывать какое-бы то ни было давление на волю избирателей» [16, 32]. Однако на практике чересчур сложное избирательное законодательство часто нарушалось администрацией, не привыкшей к точному соблюдению законов. Администрация часто и произвольно вмешивалась в ход выборов, арестовывала неугодных избирателей и кандидатов, разгоняла собрания, агитировала за правых, кассировала выборы. Имели место различные махинации со списками избирателей. Зачастую эти злоупотребления оказывали решающее воздействие на исход выборов. В то же время были приложены все усилия, чтобы уполномоченными от казачьих станиц были лица, действительно представляющие интересы земледельческого класса. Так были устранины «за вредную деятельность» бывшие члены второй Государственной думы М.А. Карапулов, Г.А. Горбунов и Т.Э. Эльдарханов, а также уполномоченные от коренного населения Терской области Коченов и Голиев [17, 98-99]. Не смог принять участие в губернском избирательном собрании, проходившем во Владикавказе, выборщик М.И. Кануков: причиной отказа послужило то, что М.И. Кануков состоял в слободе Нальчик под гласным надзором полиции, а по закону – ст. 10. п. 11 Положения – состоящим под гласным надзором полиции была «воспрещена всякого рода общественная служба и публичная деятельность» [18, 57-58].

Согласно новому избирательному закону от 3 июня 1907 г. неказачье население Кубанской и Терской областей и Черноморской губернии было объединено в один избирательный округ и выбирало одного депутата. По одному депутату выбирали казаки Терской и Кубанской областей и население Дагестана. Таким образом, теперь регион имел в Думе трех депутатов,

хотя количество выборщиков в целом не менялось. Изменения касались соотношения между куриями в пользу крупных собственников.

Выборы в третью Государственную думу были назначены на осень 1907 г. Лето 1907 г. стало временем определения партийных тактик в избирательной кампании в Думу. Партия социалистов-революционеров решила бойкотировать выборы. IV съезд эсеров региона принял специальное постановление «О проведении бойкота выборов в Думу по Северному Кавказу», в котором регламентировалась действия партийных организаций на различных стадиях избирательной кампании. Во время выборов уполномоченных от сельских сходов следовало добиваться принятия приговоров об отказе выбирать уполномоченных, тем самым лишить сход законного состава. По отношению к выборам уполномоченных от станиц надо было стремиться к созыву полных сходов с участием и иногородних для совместного выражения отрицательного отношения к Думе. Избирателям городской курии рекомендовалось подавать бюллетени с надписями «бойкотирую». В качестве основных выдвигались лозунги, раскрывающие сущность избирательного закона, в том числе и правил о выборах по Кавказу, дворянский характер Думы, призыв к Учредительному собранию [19, 337].

РСДРП на конференции в июле 1907 г. приняла решение об участии в выборах. Избирательные соглашения не допускались в рабочей и на начальных стадиях выборов в других куриях. На последних стадиях блоки разрешались в следующей очередности: социал-революционеры, трудовики, кадеты. Соответствующие резолюции приняли конференции Северокавказского союза и Кубанского комитета РСДРП в сентябре 1907 г. [19]

Усиление октябристов, связанное с вхождением в партию части правых кадетов и Союза Русского Народа, взявшего на себя обязанности защиты русских, беспокоило кадетов Кубани и Терека. В таких условиях они выдвинули идею избиратель-

ного блока прогрессивных людей и партий, депутат от которого представлял бы интересы всего населения региона, а не только узкопартийные. Идея нашла частичное воплощение на стадии выбора выборщиков во Владикавказе и Дагестанской области. Октябристы Кубани хотели видеть в Думе, названной учреждением для совместной работы царя, правительства и народных избранников, лишь людей, полностью разделяющих положения Манифеста 17 октября, а не социалистов и реакционных чиновников [19].

Каковы итоги избирательной кампании? Во-первых, по городской курии в выборщики, кроме Владикавказа, не прошли кадеты; во-вторых, по сравнению со второй Думой кадеты Новороссийска усилили свои позиции более чем в два раза, а Екатеринодара – в полтора; в-третьих, более существенным был рост – в 3-4 раза в Екатеринодаре – влияния октябристов, кроме того, был заключен блок октябристов с СРН во Владикавказе, отвергнутый прежде. В названных центрах участвовало в выборах соответственно 38, 33 и 30% избирателей. В Новороссийске и Пятигорске как беспартийные в выборщики вновь были избраны эсеры О. Прохоров и Г. А. Горбунов. Лишь в Грозном на повторных выборах 5 октября в выборщики прошел примыкавший к СРН городской голова Котров. Подавляющее большинство выборщиков от сельского неказачьего населения называло себя беспартийными, но явно тяготело к левым партиям. Так, подводя своеобразный итог избирательным кампаниям в I-III Думы, начальник Терской области отмечал, что от сельских обществ выборщиками избирались исключительно представители местной интеллигенции, сочувствующие левым партиям (к ним он относил и кадетов), а торговый класс и чиновники голосовали за кандидатов умеренных партий. Вместо 89 выборщиков было избрано 61, четырех из которых – Ф. А. Щербину, Гридинева, Г. А. Горбунова, Т. Э. Эльдарханова – избирательные комиссии исключили, причем последних двух – уже в ходе начавшихся собраний выборщиков в Екатеринодаре

12-13 октября 1907 г. [20]. В числе оставшихся преобладали социал-демократы и сочувствующие им. Депутатом 34 голосами был избран член РСДРП И. П. Покровский. От терского казачества депутатом избран октябрист Е. И. Тихонов, а от кубанского К. Л. Бардиж. Против последнего агитировало и войсковое начальство, предостерегавшее казачество от повторной ошибки. После выборов же от К. Л. Бардига потребовали, чтобы он перешел из партии кадетов в более правую и подал в недельный срок прошение об отставке. В Думе он возглавил казачью группу в составе 6 кадетов, 3 беспартийных, октябриста, мирнообновленца, прогрессиста. В Темир-Хан-Шуре 13 октября 1907 г. 22 выборщика из трех кандидатов депутатом избрали инженера И. И. Гайдарова, опередившего депутата II Думы А. А. Кардашева. Он считал себя социал-демократом и вошел в состав этой фракции, влившейся позже в мусульманскую фракцию; был членом рабочей и земельной комиссий [21].

Таким образом, из четырех депутатов Думы от региона два являлись левыми, один – кадетом, один – октябристом. В целом в Думе октябристы и разделявшие их убеждения имели большинство – 154 мандата из 442. Правые и националисты получили 147 мест, а кадеты – 52 и более 40 депутатов примыкали к ним. Социал-демократы были представлены небольшим числом – 19 мандатами. Такой состав Думы привел к существованию двух блоков – правооктябристского и октябристско-кадетского, в зависимости от позиции ведущей фракции – октябристов.

Деятельность Думы пришлась на время спада и кризиса общественно-политического и партийного движения. В таких условиях и с учетом низкой политической культуры населения, которое мало интересовалось работой парламента, Дума, особенно оппозиционная ее часть, не имела прежней поддержки извне.

Третьеиюньский избирательный закон сознательно создал два думских большинства: правооктябристское и октябристско-кадетское. Преобладающая роль в этой си-

стеме отводилась только одному – правому большинству. Эти два большинства и были тем инструментом, который должен был обеспечить создателям системы осуществление программы столыпинского аграрного и политического бонапартизма. И без того ограниченные права Думы постоянно урезывались правительством. Налицо было нарушение прав законодательной инициативы. В третьей Думе из ее ведения фактически изымалась разработка законопроектов. Лишь в исключительных случаях законодательная инициатива могла быть проявлена самой Думой. Но правительство, не желая признавать даже этого исключительного права, использовало его в том смысле, что Дума не имела права разрабатывать законопроект, если правительство взяло его разработку на себя. Самодержавие намеревалось проводить буржуазные реформы таким образом и в таком объеме, чтобы полностью сохранить свое политическое всевластие. Буржуазия же, наоборот, добиваясь реформ, стремилась разделить власть с царизмом на основе конституционной монархии.

Основные задачи, поставленные III Государственной думой, заключались в укреплении экономического положения государства и производительных сил страны, расшатанной русско-японской войной, а также восстановлении внутреннего порядка и законности во всех сферах жизни. В этом отношении новая политика имела успех и была поддержана значительным большинством Думы. Октябристы, кадеты и другие депутаты, сочувствующие П. А. Столыпину, надеялись, что он совершил переворот для того, чтобы хотя бы в такой форме укрепить народное представительство. Но по мере работы Думы даже их отношение к деятельности премьер-министра становилось все более и более оппозиционным.

Подготовка к выборам в IV Думу началась задолго до их проведения. 12 января 1912 г. Министерство внутренних дел разослало всем губернаторам циркуляр, в котором запрашивало сведения о группировке общественных сил в губерниях и о

возможном исходе выборов и недвусмысленно интересовалось: «...Приняты ли уже Вашим превосходительством или только намечены какие-либо меры на различных их ступенях и в конечном их исходе» [22, 199]. Кавказский наместник спешил заверить центральные власти в том, что «...Кавказ находится накануне прочного успокоения» [23, 5]. Далее в своем донесении И.И. Воронцов-Дашков указывал на то, что «население Владикавказского, Назрановского, Веденского округов, Пятигорского отдела проявляет полное равнодушие, за исключением туземной интеллигенции, сочувствие которой было, несомненно, на стороне левых партий. Заметное оживление замечалось исключительно среди казачьего населения, потому что этому населению законом предоставлено право выбора особого депутата» [24, 17].

Чтобы не допустить в новую Думу политически «неблагонадежных» депутатов, правительенная администрация на местах организовала ряд превентивных мер. В губерниях с «инородческим» населением практиковалось назначение неудобного для избирателей дня выборов или организация голосования в пункте, слишком отдаленном от места их проживания. Нередко оповещение о выборах делалось за день до голосования, когда люди уже фактически не могли добраться до избирательного участка.

Министерство внутренних дел стремилось через местные органы непосредственно влиять на ход и итоги выборов. Так, в день выборов усиливался наряд полиции для предотвращения «нежелательной» агитации, а также «не допущения никаких сборищ» [25, 83].

В губерниях со смешанным населением, согласно ст. 38 «Положения о выборах», создавались избирательные участки по национальному признаку, когда «...образование одного общего участка из русского и туземного населения ни в коем случае не допускается» [26, 36]. На таких национальных избирательных участках нередки были случаи отмены намеченных выборов или аннулирования состоявшихся.

Предпринятые меры дали ожидаемый результат: в IV Думу так же, как и на предыдущих выборах, было уменьшено число выборщиков от крестьян. Внутри самой земледельческой курии условия избирательной кампании способствовали перевесу более крупных землевладельцев. Ценз для непосредственного личного участия в съезде землевладельцев был увеличен вдвое: с 3 руб. 30 коп. до 6 руб. 60 коп. в Терской и Кубанской областях, и с 15 до 30 руб. в других губерниях и областях Кавказа. Соответственно повышалась и величина той 1/10 полного ценза, которым нужно было обладать, чтобы принимать участие в съезде землевладельцев, хотя бы через уполномоченных. Управляющие и арендаторы также были лишены права участия в выборах по земледельческой курии.

В ходе предвыборной кампании в IV Думу в тактических установках партий изменений не произошло. Партийный состав 70 выборщиков от Кубанской области выглядел следующим образом: октябристов – 17, социал-демократов – 10, кадетов – 9, правых – 17, националистов – 6. Достоверно известно, что в областном центре (приняло участие в выборах 49,5%) в выборщики прошли кандидаты демократического блока (с-д А. Пухлимский и беспартийные демократы Кабаненко и Михайленко), получившие 66% голосов, в то время как списки кадетов (Рындин, Литовкин, Кара-Мурза) и октябристов (Милловидов, Орехов, Курочкин) получили соответственно около 8 и 3,7%, что было в 1,5 и 2 раза меньше по сравнению с октябрем 1907 г. Предложение октябриста Д. Подчищева голосовать за кадетов не было поддержано. Лидер кадетов Н.Н. Николаев был избран выборщиком от Туапсинского округа, октябристы и стоявшие правее их – в основном от казачества и землевладельческой курии, от которой к 20 сентября в числе уполномоченных было 128 землевладельцев и 87 священников. Именно на них надеялся Екатеринодарский комитет октябристов, когда 25 сентября сообщал в ЦК партии, что теперь в Думу не пройдут социал-демократы или кадеты [27, 267].

Удалось установить партийную принадлежность половины выборщиков от Черноморской губернии (социал-демократ, кадет, монархист, трое беспартийных) и невойского населения Терской области (по три социал-демократа, кадета, беспартийных и монархиста). Во Владикавказе (голосовал 31% избирателей) повторилась ситуация прошлых выборов, и на этот раз блок социал-демократов и кадетов (Чепелюгин, Цирюльников) получили около 82% голосов. Чепелюгин стал единственным из кадетов, избиравшимся выборщиком всех четырех Дум. А в Новороссийске список кадетов (Лир, Гомолицкий, Ф. А. Щербина) получил чуть более 5%, что почти вчетверо меньше по сравнению с выборами в III Думу. За кандидатов левых голосовало 70% избирателей. Социал-демократами были выборщики от рабочей курии – И. Ф. Раинский (завод «Стандарт» в Новороссийске) и А. Ф. Кравцов (завод Гусника в Екатеринодаре). Среди 72 выборщиков от невойского населения Кубани, Терека и Черноморской губернии был примерный паритет сил между социал-демократами, кадетами и октябристами – по 17-19 человек. Октябристы блокировались с правыми и выдвигали кандидатом в депутаты Ненашева.

Между социал-демократами и кадетами была достигнута договоренность о том, что в случае угрозы правых они вместе выступят против нее и после предварительного голосования определят проходимую кандидатуру. Однако этого сделать не удалось, поскольку в предварительном голосовании приняли участие не все. Выборы 20 октября 1912 г. показали, что силы примерно равны, когда Ненашев, И. П. Покровский (с-д), Н. Н. Николаев (к-д) получили соответственно 32, 31, 30 голосов, депутата определил повторный тур. Им стал Н. Н. Николаев, получивший за – 43 и против – 29 голосов. За и против И. П. Покровского высказалось по 36 выборщиков, а Ненашева поддержал 31 выборщик из 72. Социал-демократы победу Н. Н. Николаева объяснили соглашением кадетов с правыми. Сами кадеты считали, что при равенстве сил им удалось выиграть, заручив-

шись поддержкой беспартийных горских прогрессистов. Ненашев же заявил, что они поддержали кадетов, чтобы не прошел социал-демократ.

Четвертый раз подряд казачество Кубани избрало депутатом К. Л. Бардижа, но на этот раз он прошел с минимальным перевесом (за – 22, против – 21). В Терской области казачество выбрало прогрессиста М. А. Кацуалова [21, 420].

Политическая направленность выборщиков в Дагестане была менее выраженной, где из 33-х 28 назвали себя беспартийными, трое – прогрессистами, один – октябристом. Здесь избирательная кампания прошла под лозунгом отхода от узкопартийности, не отвечавшей потребностям пробуждающегося Дагестана. По мнению издателя газеты «Заря Дагестана» Сайда Габиева, депутат от области должен был отвечать следующим качествам: знать историю народов Дагестана и их общественно-правовой быт, любить край, разбираться в политических и государственных вопросах, обладать научной и общественной подготовкой, владеть ораторским искусством. Это, возможно, является объяснением того, что депутатом был избран назвавшийся прогрессистом М. М. Далгат, в течение шести лет являвшийся членом Владикавказской организации кадетов и бывший там же 16 лет гласным городской думы. За него голосовало 22 выборщика и он намного опередил бывших депутатов А. А. Кардашева и И. И. Гайдарова, получивших соответственно 5 и 7 голосов [28].

Итак, из четырех депутатов от Северного Кавказа в Думу прошли два прогрессиста и два кадета. Впервые не был представлен левый спектр политического движения, но все же оппозиция преобладала. В IV Думе усилило свои позиции консервативно-охранительное направление. Несколько потеряли октябристы, имевшие 98 мандатов; кадетам и социал-демократам досталось 59 и 14 мандатов соответственно. В ходе избирательной кампании активно заявили о себе прогрессисты, которые получили 32 места и вместе с примыкающими к ним их фракциями насчитывала 48 человек. Они заняли

центристские позиции, делая ставку на совместные действия с кадетами. У них совпадали основные положения программы думской деятельности (формирование ответственного думского министерства, реформа Госсовета, демократизация избирательного закона). Корректировку в тактический курс, особенно после смерти П. А. Столыпина, внесли и октябристы, которые чаще стали голосовать совместно с кадетами и прогрессистами по ряду законопроектов. Это способствовало созданию предпосылок для формирования Прогрессивного блока. Северокавказские депутаты являлись членами соответствующих фракций и принимали участие в думских прениях при обсуждении разных проблем. М. М. Далгат выступил с предложениями, учитывающими особенности Дагестана в решении земельного, религиозного, судебного вопросов. М. А. Карапулов говорил о реформировании станичного судопроизводства с целью введения бессословного суда. Н. Н. Николаев был членом комиссии по запросам. К весне 1914 г. в его адрес поступило 9 наказов и 2 наказа М. А. Карапулову. В них преобладали просьбы социально-экономического характера. До начала первой мировой войны депутаты практиковали такую форму связи с избирателями, как их ознакомление с итогами работы Думы после каждой сессии [29].

В начале войны либеральные фракции также призывали к единству действий правительства и общества. С этой целью летом 1914 г. были созданы Всероссийский земский и городской союзы, сосредоточившие в своих руках дело помощи раненым и больным воинам, беженцам, снабжение армии, а в 1915 г. – военно-промышленный комитет. Филиалы названных организаций возникли и на местах, где возглавлялись в основном кадетами. Так, Владикавказским комитетом союза городов руководил Ф. Чепелюгин, а военно-промышленным комитетом Ю. Кашкин. В Екатеринодаре городской голова Сквориков стал председателем ВПК. К. Л. Бардига руководил Кубанским областным комитетом помощи беженцам, работавшим в тесном контакте с общероссийским союзом Земгор [30, 17-19].

Однако с весны 1915 г. в связи с неудачами на фронтах, ухудшением экономического положения внутри страны, неспособностью правительства менять ситуацию либеральные фракции вновь начали переходить в оппозицию к власти. Летом 1915 г. ими был выдвинут лозунг создания правительства, пользующегося доверием Думы, которому надлежало обеспечить победоносное завершение войны, а также осуществить ряд политических и социальных реформ, позволяющих стабилизировать обстановку в стране и избежать новой революции. Важным шагом в этом направлении явилось создание в августе 1915 г. Прогрессивного блока с умеренной программой, но она была отвергнута. В ответ прогрессисты стали на позиции ответственного думского министерства, с ноября 1916 г. поддержанного и кадетами. С данного времени лозунг за «создание объединенного правительства, из лиц, пользующихся доверием страны» становится лозунгом всей либеральной оппозиции.

Деятельность Думы, вопросы войны и партийного строительства были главными темами лекций и бесед во время поездок в 1913-1916 гг. по Северному Кавказу (Екатеринодар, Армавир, Владикавказ, Ставрополь) членов кадетского ЦК Н. А. Гредескула, Ф. И. Родичева, А. В. Тырковой, А. И. Шингарева.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств политические партии Северного Кавказа сравнительно слабо были связаны не только с соответствующими классами и социальными группами, но и с избирателями вообще, которые в подавляющем большинстве были общественно не развитыми и политически инертными. По существу, политическим партиям не удалось наладить связи с избирателями.

Во-вторых, в регионе не было четкого политического размежевания между либералами и революционерами. Межфракционные споры велись в узком кругу лидеров партий, а среди народных масс пропаган-

дистская работа осуществлялась совместно либеральными и социалистическими партиями.

В-третьих, общее ужесточение политики центральной и местной власти естественным образом отразилось на выборной системе. Репрессии коснулись активных участников революционного движения: революционные организации были обескровлены арестами, широко практиковалась административная высылка.

В-четвертых, власть часто и произвольно вмешивалась в ход выборов, арестовывала неугодных избирателей и кандидатов, разгоняла собрания, агитировала за правых, кассировала выборы.

В-пятых, все политические партии Северного Кавказа понимали необходимость участия в выборах в Государственную думу. Либеральные партии (кадеты, октябристы) стремились к разрешению назревших проблем парламентскими средствами. Поэтому после 17 октября 1905 г. они сосредоточились на парламентской тактике. Но выборы в регионе показали, что их итоги во многом зависели от поведения социалистов. В случае бойкота, как было в первую избирательную кампанию, успех сопутствовал кадетам. Явную

победу левые одержали на выборах во II Думу. Опережали они и кадетов, и октябристов и по результатам следующей избирательной кампании. Лишь в IV Думе не был представлен левый спектр политического течения, однако и в ней преобладала оппозиция (прогрессисты и кадеты). Очевиден стал явный провал СРН, причем наблюдалась следующая закономерность: левых главным образом поддерживали иногородние в казачьих областях, в Дагестанской области (кроме IV Думы) и Ставропольской губернии, а также большинство городских избирателей. Кубанское казачество отдавало предпочтение кадетам, симпатии же Терского делились между кадетами и октябристами. Горское крестьянство, помимо Владикавказского округа, в общем также голосовало за кадетов. Но фактом является то, что во всех четырех Думах большинство имели партии левее октябристов.

При всех недостатках избирательной системы результаты выборов в Думу, на наш взгляд, могут служить показателем моральной поддержки определенной концепции развития страны, и при этом в годы революции предпочтение отдавалось нелиберальной модели.

1. Пайпс Р. Русская революция: Агония старого режима. М.: Захаров, 2005. Книга 1.
2. Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М.: РОССПЭН, 2007.
3. Государственная Дума в России: Сборник документов и материалов/Ф. И. Калининцев. М.: Госюриздан, 1957.
4. Гоголевский А. В. Русский либерализм в последнее десятилетие империи. Очерки истории 1906-1912 гг. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2002.
5. Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л.: Наука, 1978.
6. Кузнецов Н. Д. Третья Государственная Дума и национальная политика царизма на Кавказе: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1950.
7. Шевырин В. М. Государственная Дума в России (1906-1917 гг.). Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1996.
8. Демин В. А. Государственная Дума России (1906-1917 гг.): механизм функционирования. М.: РОССПЭН, 1995.
9. Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Современник, 1990. Т. 2.
10. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.)/Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988.
11. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX вв.). СПб.: ЛИСС, 1998.

12. ГАРФ. ДП. Ф. 102. Оп. 105. Д. 20 (ч. 63).
13. ГАРФ. ДП. Ф. 102. Оп. 144. Д. 8686.
14. *Дзидзоев В. Д.* Экономическое и общественно-политическое состояние Северной Осетии в начале XX в. (1900-1917 гг.). Владикавказ: СОГУ, 2002.
15. *Шигабудинов М. Ш.* Борьба рабочих Северного Кавказа накануне и в период революции 1905-1907 гг. Махачкала, 1964.
16. Избирательный закон в Государственную Думу по Кавказу. Общие положения. Баку, 1912.
17. ЦГА РСО-А. Ф. 215. Оп. 1. Д. 22.
18. ЦГА РСО-А. Ф. 215. Оп. 1. Д. 11.
19. *Карапетян Л. А.* У истоков российской многопартийности: Северо-Кавказский регион (конец 90-х гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Краснодар: Краснодарский университет культуры и искусств, 2001.
20. Терек (Владикавказ). 1907. 29-30 сен.; 9, 11, 19 окт.
21. *Боиович М. М.* Члены Государственной думы. Четвертый созыв. М., 1913.
22. Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906-1917 гг.: Сб. док. и мат./Сост. Л. А. Якмаева. Уфа, 1998.
23. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта Воронцова-Дашкова. СПб., 1913.
24. ЦГА РСО-А. Ф. 216. Оп. 1. Д. 36.
25. ЦГА РСО-А. Ф. 215. Оп. 1. Д. 22.
26. ЦГА РСО-А. Ф. 215. Оп. 1. Д. 10.
27. ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 53.
28. Терек (Владикавказ). 1912. 23, 24 окт.
29. ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 30.
30. Депутаты от Северного Кавказа в Государственной думе Российской империи (1906-1917 гг.): Энциклопедический справочник/Автор-составитель С. В. Дарчиева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009.